

Оглавление

История моей соседки. (Мальчевская) Ариадна Владимировна.....	2
На нерегулируемом перекрёстке.....	9
Сюжеты	10
Из жизни Ариадны Владимировны Мальчевской.	11
Один день.....	14
Круговорот в природе	19

История моей соседки. (Мальчевская) Ариадна Владимировна

Дед Ариадны Владимировны - жандармский генерал Трохимовский, был женат на красавице Наталье, которая, как Анна Каренина, бросила его ради молодого красавца.

Общество не приняло новой пары и она... уехала в Югославию, оставив двоих детей в закрытых учебных заведениях. Считалось, что лето дети будут проводить у отца.

Вскоре грянула революция.

Считая, что возвращаться в Россию не стоит, мать Нины обратилась к своему хорошему старому другу в Одессе с просьбой съездить в Петроград и привезти детей в Одессу, куда она приедет за ними на пароходе.

Мальчевский просьбу выполнил: забрал из Смольного института шестнадцатилетнюю (одну из последних смолянок) Нину, а пятнадцатилетнего Мишу в кадетском корпусе не нашёл, так как он уже ушёл на войну - в красную армию.

Шла гражданская война. Через Одессу бежали толпы военных и гражданских.

Как мы знаем по книгам и фильмам (например «Бег») это было очень страшно.

Озверевшая толпа в панике сметала все преграды и вламывалась на пароходы без числа, рискуя перевернуть или утопить их.

Мальчевский и Нина, стоя на пристани, наблюдали такую посадку, а с другой стороны на них глядел капитан пришедшего из Югославии парохода. Но не подходил к причалу.

Нина видела свою мать и её спутника возле борта парохода. Время шло, ничего не менялось. Нина плакала и видела, как мать рвёт на себе волосы и пытается спрыгнуть за борт. Через три часа пароход развернулся и ушёл обратно. Больше Нина никогда не видела своей матери и не имела от неё никаких известий.

Мальчевскому ничего не оставалось, как взять девушку к себе. Он был офицер, видный, храбрый интересный и заботливый, хорошо пел...

Хотя разница в возрасте и составляла 33 года, в конце концов они поженились, и Нина родила ему двоих девочек - погодок.

Одесса в это время многократно переходила из рук в руки, и однажды её захватила часть, которой командовал Нинин отец. Среди взятых плен красных оказался его родной сын Миша, тяжело больной тифом.

Отец не имел никаких оснований для оправдания изменника, нарушившего присягу – кадета. Единственное, что он смог сделать - это разрешить ему несколько свиданий с сестрой, на руках которой он и умер, не дождавшись расстрела. В противоположность отцу, который его дождался в свой черёд.

Брак Мальчевских не был гармоничным. Разница была слишком велика. Кроме того началась разруха, и муж начал ограничивать жену во всём, включая дрова.

Возмущённая такой «жадностью», она решила сбежать в Москву с маленькой Ариадной на руках, без вещей - прямо так, как она ходила гулять с ребёнком. Старшую же - Женю, она оставила у отца, вполне уверенная в благополучии её судьбы.

В Москве у Нины был родной дядя (брат генерала Трохимовского), крупный финансист, кажется директор госбанка, которого Ленин с большим трудом уговорил не оставлять этого поста ради блага России.

Разговор Ленина с ним и его сослуживцами шёл три дня, при закрытых дверях. От него не требовали никаких политических заверений, а только специальных знаний и лояльности. Ради любви к России он согласился на уговоры, работал и благополучно жил в большой квартире с большой семьёй, при хорошем пайке.

Появление беспомощной племянницы с младенцем было встречено без восторга.

Конечно, её приютили, одели и содержали, но иметь при себе дочь белого генерала, активно воюющего с Красной Армией, или уже расстрелянного, было не так-то приятно. Удивительно, но этот дядя уцелел во все наши расстрельные кампании.

Чувствуя прохладное к себе отношение, Нина решила ехать в Петербург - к родственникам со стороны матери. А их было много, и большая часть из них снимала комнаты в частном доме на Широкой улице 20 (потом улица Ленина).

Это был прекрасный двухэтажный деревянный особняк с десятью комнатами на каждом этаже. Одну из этих комнат и отдали Нине с дочкой.

Владельцем дома был старый холостяк не имевший родственников, и Нина взяла на себя заботу о его нехитром хозяйстве, в то же время пытаясь найти работу. Но её нигде не брали, даже судомойкой. А как же: дочь расстрелянного генерала, мать за границей, муж - царский офицер.

Правда, она оформила развод - тогда это было очень просто, и запретила дочери вспоминать об отце.

Но работа никак не находилась и поддержка домовладельца была очень существенной. Он полюбил девочку, она звала его дедушкой, и он перевёл на неё свой дом. Правда, дом тут же национализировали.

Бедственное полуголодное существования дало себя знать, и у Ариадны начался туберкулёз. Необходимо было выехать куда-то за город.

Владимир Мальчевский тем временем постоянно подвергался арестам, сколько-то сидел, потом его выпускали. Маленькая Женя оставалась на попечение сердобольных соседей. Судьба кидала их по разным городам. И однажды, когда в Новосибирске девочка снова осталась одна, сосед, ехавший в Москву в командировку, отвёз Женю к Пешковой в возглавляемый ею фонд, и просил либо освободить отца, либо куда-то устроить ребёнка.

Отца освободили, но он понял, что дальше так продолжаться не может.

Он решил отвести дочку к матери и попробовать восстановить семью.

Жене было двенадцать лет, когда отец привёз её в Петроград. Она обожала отца и совсем не знала матери.

Попытка Владимира восстановить семью привела только к рождению сына, и ему пришлось уехать в Петрозаводск, где он работал ... на острове...

Летом девочки приехали к нему, пожить на свежем воздухе. Жёне было уже четырнадцать, она сформировалась вполне, и за ней всерьёз ухаживали мальчики. Она уже возмущалась ограничениями свободы, которые налагал на неё отец, и едва не убежала раньше конца лета. Отец был заботлив, ласков, но строг.

Расстреляли его позже, уже после гибели Кирова.

Сестры были совершенно разные: старшая, Женя, была настоящая красавица, причём маленькая стройная, хрупкая с ножкой 33-го размера - идеал девушки тех времён. Младшая - Ариадна - была крупная, ширококостная с широким простым лицом. И когда она представлялась как сестра Евгении, то нередко слышала в ответ:

- Неужели? Ведь она же красавица!

Характер же у красавицы был, как полагается, властный и капризный. В 18 лет она уже вышла замуж и почти сразу родила ребёнка.

Ариадна же была скромна и очень деликатна.

Когда у неё начался туберкулёз, мать нашла себе работу в столовой Сестрорецкого курорта. Потом они жили в Павловске, и вновь вернулись на Широкую, где для них уже не было отдельной комнаты. Девочки ютились в дедушкиной комнате на сундуке, а мать к этому времени вышла замуж за аспиранта сельскохозяйственного института и жила отдельно по-соседству, на Гатчинской улице.

Ежедневно она приносила детям 5 рублей, и на это можно было скромно жить.

Потом аспирант защитился по специальности «защита растений» и был направлен в Саратов, где со временем стал профессором.

После замужества Жени, Ариадна осталась одна с дедушкой, в которого влюбилась не так, как следует почтительной внучке. Но «дедушка» был разумен и сдержан, и сказал: «Не думай, что я люблю тебя мало. Со временем у тебя будет нормальная семья, ты оценишь мою любовь и будешь мне благодарна».

Ей всегда везло на порядочных мужчин.

Но это другая история уже в Саратове.

Она окончила десятилетку перед самой войной, и поступила работать ... на склад, оказавшись единственной девушкой среди множества военных.

Постоянные приставания молодых мужчин очень ей докучали. Однажды она пожаловалась на это официанткам столовой.

- Так иди к нам работать! - обрадовались они. Будешь помогать нам считать. Ведь у тебя 10 классов, а у нас всего 5. Мы поговорим с начальством, и будешь с нами».

Но завтра её пригласили официанткой в зал адмиралов.

Это было совсем отдельное просторное помещение с красивой мебелью и буфетами, уставленными посудой, казавшейся (а может и бывшей) серебряной.

Адмиралов было всего 6, и каждый через адъютанта давал официантке заказ на весь день на вина и блюда. Нужное она получала в кладовой и на кухне. Обеды приносились в супницах и мисках. Остатки вин ставились в буфет, блюд - относились на общую кухню. Принесённая судомойке посуда тут-же мылась, пересчитывалась и возвращалась в буфет.

Отвечали за неё официантки, работавшие через день.

Здесь можно было жить очень сытно. Но надо было знать своё место.

Предшественница Ариадны повела себя слишком панибратски, обедала за общим столом, за что и была уволена.

Адъютанты не были особенно назойливы, адмиралы - тем более, и работать было спокойно. Только часто пропадали огрызки карандаша - этого главного и единственного оружия официантки. Их похищали девушки.

И тут на Адиной тумбочке возле кухни стал ежедневно появляться новенький, очень красиво очинённый карандаш.

- От кого это тебе? - спрашивали девушки.

- Это вы мне скажите, от кого. Я и сама не знаю.

И конечно девушки подглядели адъютанта с карандашом, никак иначе не выразившего Ариадне свою симпатию.

Война приближалась. Школы наполнялись беженцами. По Кронверкскому гнали стада коров. Было страшно, что Ленинград отрежут от Саратова, и она окажется оторванной от мамы, как это случилось в Одессе.

- Хочу в Саратов, к маме - твердила всем Ариадна.

Но уехать было уже не просто.

Родственница мужа её старшей сестры, продавщица продовольственного магазина на Большом (его по старой памяти называли торгсином) разговорилась со своим постоянным покупателем.

- Что это вы сегодня покупаете так много продуктов?

- Да вот завтра уезжаю в Саратов в командировку.

- В Саратов? А моя родственница мечтает туда уехать.

- А знаете, у меня есть лишний билет. Я сейчас пойду его сдавать.

- Ради бога не сдавайте, возьмите с собой девушку, вас в Саратове примут как родного.

- Хорошо. Я руководитель ансамбля, имею командировку на двоих, но наша балерина ехать не смогла, и я возьму вместо неё вашу родственницу. Поезд завтра в 9 утра.

- Вы уж о ней позаботьтесь, она такая неприспособленная!

- Хорошо, я позабочусь, и если не хватит денег, или еды - помогу.

В половине 12-го ночи, придя с работы, Ариадна была огорошена этим известием. Но надо было ещё уволиться с работы: без документов не уедешь, с этим было строго.

Моментально развернувшись, она помчалась в Адмиралтейство, в отдел кадров.

- Да вы что, с ума сошли? Ночь ведь, где я вам найду бухгалтера сделать расчёт? И вообще, блажь.

В то время Адмиралтейство было на казарменном положении, в нём жили все, но против кадровика не попрёшь.

Ариадна плакала в коридоре.

- Что случилось? – подошёл адъютант с карандашом.

- Да вот, можно уехать к маме, и билет есть на утро, а не отпускают.

- Пойдите здесь, и никуда не уходите...

Вскоре адъютант пришёл с распоряжением адмирала немедленно уволить её, дать расчёт и продуктов на 5 дней.

Добираясь домой, Ариадна подумала, что может быть важнее отправить к маме Женю с маленькой Леночкой и убежала к ней.

- Что ты! Мне не собратся так скоро. Поезжай ты - решила Женя.

И подхватив чемодан без ручки, Ада отправилась на вокзал.

В поезде проводник говорил пассажирам:

- На наш поезд каждую ночь бывает налёт. Как только мы остановимся, выскакивайте без вещей из вагонов и бегите подальше. Потом поезд будет давать гудки, и вы можете собираться в течение получаса. За вещи будьте спокойны. А кто пойдёт с ними - отберём.

Молодая женщина разрыдалась.

- Что вы?

- Да как же мне быть, ведь у меня трое малюток, я их растеряю ночью в толпе.

- Не горюйте, я вам помогу: возьму одного на руки и побегу за вами - сказала Ада - и кроме того, я везучая, так что этой ночью налёта наверно не будет.

Налёта действительно не было.

Поезд подходил к...

- Мне это не нравится - сказал Адин попутчик. Давайте оставим поезд и поедem пароходом. Волга дальше от фронта чем железная дорога, и нам будет спокойнее. А денег как раз хватит.

Так и сделали. На пристани подвернулись попутчики: большая семья с чемоданами, узлами и детьми - и тоже в Саратов.

Пока старшие добывали билеты, остальные занялись беседой на животрепещущие темы. Тут к ним подошли двое.

- Что это у вас чемодан без ручки? Ведь неудобно же!

- Да так вышло. Другого не оказалось.

- Ну, хоть верёвкой что ли перевяжите... И ушли.

- Ну, вот и билеты. Как тут вы? А, кстати, где большой чемодан? Нету, а в нём наши самые ценные вещи!

- Да тут к вам подходили знакомые, с вами ещё разговаривали - вмешался кто-то со стороны - они и взяли чемодан.

Семья пропустила пароход, пропали билеты, пошли в милицию заявлять о краже, надеясь вещи вернуть. Дело, конечно,дохлое.

На подходе к Саратову наши странники раздали беженцам остатки продуктов.

В Саратове на трапе проверяли документы.

- Кто сюда командирован или здесь прописан - сходят на берег. Остальные остаются на пароходе и едут дальше.

Адин попутчик сошёл с трапа, а её не выпустили.

- Боже мой! Вот он Саратов рядом, там мама, а я должна ехать в неизвестность без денег, без продуктов, без цели...

Но попутчик вернулся.

- Скажите хоть, как ваша фамилия? Да не плачьте, я как-никак руководитель ансамбля, я все устрою.

И действительно, во второй раз он пришёл с документами на её имя: объяснил где надо, что в последний момент одна балерина была заменена другой.

Командировочное удостоверение было исправлено, и их выпустили с парохода.

Дальше добраться до цели было уже просто. Родные Ариадны были бесконечно благодарны этому, так удачно подвернувшемуся человеку, и он прожил в семье две недели, действительно как родной!

Так Ада очутилась в Саратове у матери. Ленинград ещё не бомбили.

...

На нерегулируемом перекрёстке

В белой ночи тревожно мерцают огни:

Загораются - гаснут - и вновь...

И мне кажется, шепчут тревожно они

«Это кровь... это кровь... это кровь...»

Всё спокойно и тихо сегодня вокруг -

Только сердце сдавило в груди:

Вдруг погаснут огни - загораются вдруг

«Погоди... погоди... погоди...»

Мы с друзьями и близкими, мы не одни,

Нас минует большая беда!...

Но тревожно мерцают, - мигают огни:

«Никогда... никогда ... никогда...»

1991-й Ленинград.

[Избранные стихи автора](#)

Сюжеты

- Откуда берутся сюжеты?
- Сюжеты растут на земле.
- А что воспевают поэты?
- Да то, что случается где-то

И трогает сердце поэта,
Сверкая как искра во мгле.

[Избранные стихи автора](#)

Из жизни Ариадны Владимировны Мальчевской.

(Черновик)

Мать Ариадны Владимировны недолго жила в семье. Она родилась от брака жандармского генерала Трохимовского с Натальей - красавицей, светской львицей, которая, родив ему двух детей, развелась и вышла замуж за другого.

Общество не приняло их, и они, оставив Петербург, уехали в Югославию.

О детях беспокоиться не приходилось: дочь находилась в Смольном институте, а её младший брат, Миша - в кадетском корпусе. Отец же детей тем временем оказался в Одессе.

Бурей революции Мишу забросило на сторону красных, а потом в плен к белым. Причём в часть под командованием отца. Как изменнику, ему угрожал трибунал и расстрел.

Отец не мог и, наверно, не хотел его спасти от приговора, лично разрешил матери свидания.

Но, не дождавшись расстрела, Миша умер в плену от тифа. Сам же отец вскоре был расстрелян красными.

Из Смольного института девочек разбирали, и Нина оставалась в нём в числе последних.

Она уже была в старшей группе.

Мать, узнав о революции, отправилась за дочерью пароходом. Они должны были встретиться в Одессе. Там жил старый приятель отчима, Мальчевский. И он должен был встретить девушку, и позаботиться о ней до приезда матери.

Но в это время началось повальное бегство белых из России. Обезумевшие люди лезли на пароходы без меры, и те тонули у берегов.

Видя такое дело, капитаны перестали приставать к берегу. Так случилось и с пароходом матери. Мать и дочь видели друг друга, кричали - но и только.

Пароход ушёл. Девушка осталась без семьи, дома, средств к существованию...

Примечание. Больше они никогда не виделись, и не переписывались - это было опасно. Лишь недавно Аде стало известно, что какая-то Наташа попала под трамвай ...

Мальчевский увёз её к себе...

Впоследствии он стал её мужем и отцом двух дочерей: Ариадны и Евгении. Девочки были очень не похожи внешне. Младшая потом стала красавицей.

Он был старше её на 25 лет - больше чем вдвое и брак не оказался прочным: она сбежала от него в Москву, к родственникам мужа.

Брат генерала Трохимовского был видным банковским работником. Революции не признал. Но Ленин убедил его ради России не бросать своего дела. И он остался на посту.

Нина с девочками, пожив нахлебниками в Москве, уехали в Петербург к родственникам матери.

Но устроиться на работу для образованной женщины, дочери расстрелянного отца и матери за границей, было невозможно. Они голодали. Ада получила туберкулёз. С большим трудом удалось устроиться уборщицей в ВИЗР, находившийся тогда в Елагином дворце.

Её полюбил Вознесенский - один из крупных учёных, человек старше её, женатый и имеющий детей. Предлагал ей брак, намереваясь развестись, что тогда было очень просто.

Но она, справедливо решив что довольно с неё светских красавцев, разрушенных семей и сирот детей - вышла замуж за аспиранта Гриванова - человека простого и некрасивого, с которым потом уехала в Саратов.

В это время семья жила на улице Ленина, снимая комнату у пожилого мужчины, который относился к ним с большим сочувствием.

Ещё до замужества Нины сюда приезжал Мальчевский, пытавшийся помириться с Ниной, но из этого ничего не вышло, так как у него был очень тяжёлый характер. Тем не менее, в результате родился сын Гриша, впоследствии заболевший эпилепсией.

Когда новая семья уехала в Саратов, Ада Владимировна осталась в Ленинграде, так как она училась в ...

Она продолжала жить в той же комнате, а хозяин продолжал опекать и подкармливать её. И она, не шутя в него влюбилась. Настолько, что хотела иметь от него ребёнка, совсем не претендуя на замужество.

Но он ей отказал, объяснив: Сейчас тебе, может быть будет больно, - но впереди вся жизнь. У тебя будет семья, муж - и надо, чтобы всё было хорошо, порядочно. И потом ты поймёшь, как я тебя любил. И продолжал относиться к ней как любящий дедушка.

Потом она уехала в Саратов, работала на заводе, а жила на окраине и однажды зимой, вместе с провожатым, чуть не замёрзла насмерть в овраге.

...

(Ещё авторские заметки ШИЯ:

Ревтрибунал у Театральной пл.

Контр-адмирал Челпанов и его адъютант.

Бабушка на ул. Ленина.

Жена дяди – продавщица в торгсине.

Администратор ансамбля с трахеотомией.

Ранее – продажа вещей «дедушки». Мраморные вазы для визиток.

Купленный билет на Саратов возвращён, т.к. подруга Фаина дала ей платье для школьного вечера 22 июня)

Один день.

25-е мая, воскресенье, 1958.

В этом доме редко бывало много людей. Чаще было пусто совсем. Возвращаясь из поездок, она всегда чувствовала себя в необжитом и мрачном доме, как в чужом гараже. Застоявшийся воздух хватал за душу как само одиночество, а пыль на книгах и мебели напоминала прах, бренность и бесконечность.

Полы были общие – и они всегда сияли.

Пыль можно было не трогать, и она покрывала столы. Но и то и другое выглядело неуютным, холодным, чужим.

Она не любила свой дом. Никогда и никто не встречал её в нём приветом, и если в нём и бывало тепло - то только её - для других.

И вот в майский ласковый вечер, выйдя из молочной теплоты улиц, где сам воздух дышал запахом распускающихся берёз, а люди, шальные от беспричинной радости, лучезарно улыбались весне, где первые цветы в руках девушек кивали головками, обещая счастье, а мужчины, шагая рядом, расправляли плечи от избытка сил, она вернулась домой.

Из тонко заскрипевших дверей повеяло затхлой сыростью полуподвала.

Темнота и тишина поглотили солнце и звуки жизни. По-зимнему загорелся электрический свет. Безразличное радио заговорило о чем-то своём.

Работать было не надо, так как наступил час отдыха, идти было некуда, не к кому и незачем.

За стеной смеялась чужая радость и жизнь, и в ней не было её доли.

Волки воют в такие дни.

У людей другие законы. Толком ей не пришлось их понять.

И в чудеснейший день весны она сидела, тупо уставившись в книгу, чуть покусывая губы, чтобы не завывать.

...

Зазвонил телефон

- Иришка?

- Не могу угадать, кто?

...

Энергичное лицо с озорными глазами парня рабочей окраины.

...

...

На палубе было лучше. Тёплый ветер теребил искристую рябь, уносился на близкий берег. Но уже ползла с недалёкого горизонта неуютно белёсая мгла, всё больше застилая даль.

Вблизи волны переливались перламутром, равномерно набегаая на берег, где их ласковый мерный шум тонул в грохоте рабочего дня.

Черпаки скрежеща вылезали наверх, полные глины с водой, чтобы тут же лениво и мощно опрокинуться над стоящей рядом шаландой «Каховская», которая была грязная как истая дочь ада. Там стоял неумолчный крик, похожий на шум базара: «Трави, швартуй, подавай! Эй ты, куда лезешь?»

Скрежетали цепи, двигая черпалку вперёд, и приставленный к ним замурзанный механик бойко крутил бесконечные ручки и колёса, поминутно крича в машину, а откуда-то сбоку мрачный багермейстер подавал ему команду.

Внизу, за высоким бортом черпалки, со стороны открытого моря лежало в воде что-то плоское, закрытое со всех сторон, похожее на гигантский железный портсигар.

А ещё дальше, прислонясь к портсигару, стоял задрав нос, маленький грязный буксир Норд-Вест.

- Любуетесь? - спросил, остановясь, рослый юноша с мягким взглядом чёрных серых глаз. Что вы здесь делаете?

- Да вот жду «Очаковскую». Что это здесь, внизу?

- Этот цистерна с пресной водой. А зачем вам «Очаковская»?

- Да так, хочу прокатиться!

- Разве это интересно? Она ещё не скоро придёт.

- Да вот посмотрю, подожду.

- Нравится здесь?

- Не очень.

- Хотите сыграть в бильярд?

- С удовольствием. Только я плохо играю.

В маленькой пустой бильярдной по белому потолку прыгали солнечные блики от волн.

Бильярд казался игрушечным.

- Вы приезжая? - спросил он, забивая шар за шаром.

- Нет, отсюда. А вот вы коренной Ленинградец. Это сразу видно.

- Почему? Впрочем, так оно и есть. А кого вы ждёте?

- Да вот своего товарища.

...

- Ну вот, а вы боялись за книжку - сказал механик. А вон и «Очаковская» подходит.

Удивляясь себе, она стремительно обогнула рубку. «Очаковская» подходила, гремели цепи, перебивали друг друга человеческие голоса.

Взлетев наверх, она увидела его почти рядом на высоком мостике подходящего судна.

Деловито суетясь, весь в чёрном, он чем-то напоминал тоскливого грача, и от этого вдруг нестерпимо защемило сердце и захотелось прыгнуть прямо туда. Но впечатление близости было обманчиво. Он не отвечал на привет, не видел, не слышал, не знал, и напрасно она приветственно махала рукой.

Вот он мимоходом взглянул на неё, чуть улыбнулся и тотчас кинулся к своим трубкам и рукояткам. Было приятно видеть, как неуклюжая махина повинуетя его словам.

Анатолий стоял рядом. Красная сумочка так и осталась в его руках

- Ну как здесь? - спросил он.

- Здесь? - улыбнулась она, с трудом поняв вопрос, и взглянула на трудолюбивого грача.

- Он?

- Он.

- Ну что ж, пошли.

Они спустились по трапу, обогнули какие-то постройки и вдруг оказались одни. Улыбаясь, он повернулся кругом, протягивая сумочку.

- Возьмите. Ветер вдруг заколотил тонкую шёлковую рубашку об его сильные загорелые руки. Освещённая солнцем крепкая фигура казалось олицетворением силы и самоуверенности, а глаза лучились улыбкой. В нём было что-то подкупающее.

«Хорош» - невольно подумала она, забирая своё имущество.

- Где я увижу вас? - неожиданно последовал весёлый энергический вопрос, и она подивилась усилию, которое потребовалось ей для короткого «Нигде».

- Ну почему же? - не хотел он сдаваться.

- Нельзя. И как вам не стыдно спрашивать? Ведь не хорошо по-отношению к товарищу.

- Но ведь я завтра увольняюсь и уйду на берег - горячо возразил он.

- Всё равно нехорошо - сказала она, улыбаясь наивности довода, и вдруг пришла в ужас от причины собственного отказа.

И боясь чтобы он не спросил: «Только поэтому?» - с излишней горячностью добавила: «Нельзя!»

- Тише, тише - вдруг оглянулся он ... дайте ваш адрес.

- Нет, нет, ну что вы, как можно - заговорила она, пугаясь себя самой.

- Девушка! - вынырнул вдруг откуда-то некто сердитый, измазанный в масле, - Вы к кому пришли?

- Я на «Очаковскую».

- А кто там у вас? – Ше...?

- А что, разве нельзя приходить? – и она испытующе заглянула в сердитые глаза. Мне сказали, что можно.

- Конечно можно - и масляный старик свирепо повернулся спиной.

Тогда, спрыгнув на низенькую шаланду, парень почти перенёс её через высокий борт, снова почтительно отдал ей книжку и сумку, и крепко пожав руку, без оглядки ушёл, оставив по себе ощущение лёгкого сожаления.

Борис сверху махнул рукой, и с чувством неожиданного освобождения, вбежав к нему на мостик, она с размаху остановилась, с трудом сдерживая томительное желание протянуть ему разом обе руки.

- Давай, давай вперёд! - закричал он рулевому - так, хорошо. Здравствуй! – с опозданием ответил он на привет.

- Так держать!... Ну, осматривай моё хозяйство. Тихо, тихо, грязью зальёт! И опять повернулся спиной.

Она неловко огляделась, непрерывно чувствуя на себе иронические взгляды окружающих. Здесь с теневой стороны совершенно не было солнца. В окно видна была только всё сереющая мутная даль, и в стекло ветер порывами швырял грязную воду.

- Боже мой, как здесь плохо и скучно!

- Поедешь с нами? - осведомился он деревянным голосом, глядя сквозь неё.

- Да не знаю - замялась она, не услышав в его голосе зова, и стараясь ретироваться с честью.

- А что так?

- Да видишь ли, я обещала быть дома в 6 часов. Там же гости.

- Ну что ж, если так - спеши, вон и шлюпка как раз отходит.

Шлюпка действительно отходила. И ей подумалось, что домой наверное зайдёт Алька, который не умеет говорить такие деревянные, холодные слова. В каждой его фразе - улыбка. Вспомнилось, что наверное и Анатолий едет сейчас на берег и будет рад новой встрече - не то что Боря. А это будет совсем уж плохо. И как можно так думать о всех сразу!

Как я легкомысленна! - озлилась она на себя.

...

Всё вместе завертелось пёстрым калейдоскопом, и совсем рассердившись на того, кто нисколько не хотел её удержать, она сказала:

- Гонишь, вредный!

- Ну что ты, ты ведь сама хотела!

- Ну так я остаюсь. Уговорил, проклятый - и вспомнила относящийся к этой фразе анекдот.

На душе опять стало плохо:

Шаланда отходила. Брызнул дождь, и было видно, что увеселительная прогулка не удалась. К тому же страшно захотелось есть.

Проскрежетав по чужому борту, шаланда повернулась и, вздрогнув, остановилась.

- Ну, всё. Теперь придётся просить, чтобы тебя отвезли на берег. Пиджак оденешь?

- Не надо - сказала она, стараясь не обижаться. Может, ты за меня попросишь? Ты тут всё же свой человек.

- Ну ладно, сказал он, недовольно передёрнув плечами и, не оглядываясь, пошёл через люки, тросы, борта.

Идти за ним было трудно и оскорбительно. Перед высоким бортом она было совсем остановилась, готовая просить о помощи, но не решилась, и одолела препятствие, навалившись на него животом.

- Чёрт знает что - подумала она, свирепея. Ужас какой-то. Впрочем, сама виновата. Если хочешь чтоб люди любили тебя, заставь их о себе заботиться. Но как трудно после походов выполнять это правило...

- Так не забудьте зайти на «Бурею» говорил в это время Борису опять появившийся замасленный механик. У них там авария. Кстати, это ваша сестра? Вы за ней смотрите, а то к ней тут было жених присватался.

Ложь была слишком ясно написана на лице Бориса когда он говорил «да», а неопределённая улыбка не выражала ничего.

Тебе всё равно - подумала она с досадой, и неожиданно для себя сказала:

- Знаешь что, дай-ка мне пиджак, а то правда холодно.

- Ну вот видишь, я же говорил тебе. Пойдём.

Многое ты говорил, лучше бы больше думал - подумала она с горечью пробираясь вслед за ним по тому же трудному пути.

У высокого борта стоял совсем ещё мальчик – матрос в чистенькой синей курточке, с круглым по-детски лицом.

- Помогите пожалуйста, - обратилась она к нему и, опершись на его руку прыгнула вниз.

Тот же мальчик подал ей руку из лодки, когда, в пиджаке с чужого плеча, она забиралась в неё.

- Осторожнее, не садитесь. Держитесь за меня - сказал кто-то большой и сильный.

И Борис исчез, не махнув рукой, когда лодка рывками поплыла к берегу.

Ещё одна крепкая рука протянулась навстречу с берега. Что-то тепло шевельнулось в душе.

- Спасибо вам, ребята - только и сумела она сказать, спрыгнув на берег. До свиданья.

Неопрятную гальку нервно лизала волна. Кивнув на прощанье, матросы ушли, сбившись пёстрой и дружной стайкой.

Город был оживлён, несмотря на ненастный день. Навстречу, по серому асфальту улиц, между серых огромных домов торопились куда-то весёлые оживлённые люди.

Резкий ветер, словно рассердившись на неё одну, громко хлопал лапами большого пиджака, забирался за шиворот и в рукава, продирая до костей, наносил промозглую сырость.

Мелкая, противная дрожь подирала по коже, а в душе, как нудная песня комара, тонко-тонко пело невыносимое, звенело нестерпимое чувство одиночества.

Мир был пуст и все четыре стороны света были для неё равны.

Идти было некуда, не к кому и незачем.

Круговорот в природе

В истории, с древнейших времён всё идёт по кругу: республика - монархия - конституция - самодержавие - нового не изобретается. Точно как и в нравственности, и в моде: кровожадность - гуманизм – и опять. Длинное - короткое, свободное и в обтяжку и так далее.

Конечно, и в государственном устройстве, и в нравственности и в моде постоянно возникают дикие изыски - вроде платьев из шоколада, или частей автомобиля - но это те самые исключения, которые только подчёркивают правила - от которых естественным путём никуда не уйти.

Единственное, что с ужасающим постоянством идёт вперёд – это (бурное в последний век) развитие техники и обслуживающих её ремёсел и знаний.

Это всякие механизмы, ради которых человечество залезло в шахты и в институты, изготавливая для себя массу ненужных, а чаще всего самоубийственных вещей. В первую очередь это военная промышленность, живущая за счёт уничтожения природных ресурсов - прежде всего воздуха и воды.

То же самое делает всё, что её обеспечивает. И то, что её не обеспечивает – тоже.

Человек губит леса и водоросли океанов - лёгкие планеты - ради бесчисленного количества собственно ненужных вещей.

Человек необратимо вышел из круговорота природы, в котором всё было идеально пригнано.

Искусственными мерами он наделал материалов, не способных включаться в биологический круговорот, и способных только превращать окрестности городов и селений в бесконечные свалки... Их только и можно что перемещать по поверхности. А частью сжигать - обращая кислород атмосферы в углекислоту и другие, ещё менее симпатичные газы.

А остатки военной промышленности?

Нервно-паралитические газы в Тихом океане.

Боевые отравляющие вещества на дне Балтийского моря. Тяжёлый уран и всевозможные отходы атомных реакторов.

Утонувшие в Средиземном море бочки с тетроэтилсвинцом (вынуты с помощью Кусто). Но их-то ещё можно продать. А всё другое?

И выходит, что правы индийцы, сумевшие от всего отмежеваться и северные народы - отмежеваться не сумевшие, но отождествляющие себя с прочим живым миром, вместе с ним и обречённые на вымирание.

Всё хорошо в меру: даже медицина, даже добродетель, даже чистота, комфорт, забота и любовь.

1 Непомерный рост населения - увеличение числа уродов и калек.

2 простатит и солдатские дома терпимости. Или онанизм, гомосексуализм, венерические заболевания.

3 иммунодефицит.

4 страшная неустойчивость к любым отклонениям.

Надо же суметь так быстро и так здорово загадить такую огромную страну!

Но это, конечно, частность.

Просто мы передовики.

Иные страны идут тем же путём.

Правда, несколько медленнее и за счёт нас и нам подобных.

И ещё человек по природе страшно агрессивен. Оттого и растёт числом за счёт остального мира.

В океане найден огромный слизистый гриб - бессмертное создание.
Смерть - неперенный фактор эволюции.
Не живите долго, ребята!

...

[**Все работы автора**](#)

